

А. И. Доватур

АГРАРНЫЙ МИЛЕТ

Свободная парцеллярная собственность являлась экономическим основанием общества в лучшие времена классической древности¹. Хорошо известно, что это положение справедливо по отношению к материковой Греции, но необходимо также установить, насколько оно верно для других частей греческого мира; должно полагать, что и там города — по крайней мере на заре своей истории — были местами поселения земельных собственников. Позднейший торговый расцвет некоторых городов не может служить основанием для заключения о том, что эти города с самого своего возникновения имели чисто торговый характер.

Первоначальный характер города, основанного на земельной собственности и на земледелии, должен был оставить после себя более или менее заметные следы, которые не могли не отразиться в исторических преданиях. Далеко не всегда такого рода исторические предания дошли до нас, но в тех случаях, когда они сохранились, они имеют особую ценность.

В немногочисленных специальных работах, посвященных целиком или частично вопросу об экономике греческих колоний в раннюю пору их истории, городам Ионии уделено очень мало внимания². Можно ли говорить о городах Ионии как о поселениях земледельческих и считать землевладельцев господствующим слоем населения в Ионии в течение известного периода ее истории? Этот вопрос, не получивший достаточного освещения в существующей литературе, приобретает особую остроту в применении

¹ См. К. М а р к с, Капитал, III, 1950, стр. 819; он же, Формы, предшествующие капиталистическому производству, ВДИ, 1940, № 1, стр. 15.

² См. А. G w y n n, The Character of Greek Colonisation, JHS, 38 (1918), стр. 18 сл.; S. L a m b r i n o, Les tribus ioniennes d'Histria, «Istros. Revue roumaine d'archéologie et d'histoire ancienne», I (1934), стр. 120; G. G l o t z, Histoire grecque, I, 1925, стр. 155—158, 168, 184 сл., 189; К. М. К о л о б о в а, К истории вопроса о греческой колонизации, ВДИ, 1949, № 2, стр. 127. Совершенно отрицает земледельческий характер греческих поселений в Ионии А. J a r d é, La formation du peuple grec, P., 1923, стр. 232—236. Наоборот, подчеркивает значение земледелия для некоторых городов Ионии — Колофона, Приены, Миунта — даже в более позднее время — Th. L e n s c h a u, Zur Geschichte Ioniens, «Klio», 13 (1913), стр. 175. Особенно настаивает на земледельческом характере ионийских поселений в Малой Азии, в частности — Милета. J. H a s e b r o e k, Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte bis zur Perserzeit, Tübingen, 1931, стр. 76 и 120 сл. На той же точке зрения стоит А. V. G e r k a n, Zur Lage des archaischen Milets. Bericht über den VI. Internationalen Kongress für Archéologie. В., 1940, стр. 324. О значении для греческих колонистов в первую очередь особенностей территории говорят: G. G l o t z, Le travail dans la Grèce ancienne, P., 1920, стр. 122; J. H. S c h u l t z e, Zur Geographie der altgriechischen Kolonisation, «Petermanns geographische Mitteilungen», 87 (1941), стр. 7 сл.

к Милету, с именем которого обычно соединяется представление о крупнейшем торговом центре древнего мира.

Были ли, прежде всего, в Ионии достаточные предпосылки для создания аграрных (в более или менее строгом смысле этого слова) государств? Можно признать, что греческие поселенцы нашли в Малой Азии известные торговые традиции: ведь в занятых греками областях имелось старое население, которое, по всей вероятности, уже в эгейскую эпоху было вовлечено в существовавший тогда торговый обмен с другими странами¹. Это обстоятельство, однако, само по себе не предопределяет решения вопроса об экономической основе ранних греческих поселений в Ионии. Малоазийские колонии могли первоначально иметь земледельческий характер.

Такому предположению не противоречат наши сведения о природных условиях малоазийского побережья и соседних островов. Ионийское побережье представляет собой плодородную полосу, хотя и уступающую в смысле плодородия соседней Эолиде, но все же довольно богатую хлебом (в долинах), виноградом, фруктами, оливами (по склонам гор)². В частности, область Милета была особенно благоприятна для хлебопашества, виноградарства, плодоводства, оливковых насаждений и для скотоводства³. На островах — не только на эолийском Лесбосе, но и на ионийских Хиосе и Самосе — удобная для возделывания площадь более значительна, чем на берегу материка. Естественные условия, таким образом, не препятствовали развитию земледелия в Ионии и, следовательно, перенесению туда тех общественных отношений, какие сложились в метрополии. Рассказ о том, как Фалес Милетский, предвидя большой урожай оливок, законтрактровал с зимы все имевшиеся в Милете и на Хиосе прессы для выжимания оливкового масла и нажил большие деньги⁴ (Aristot., Polit., I, 11, 1259a; Diog. L., I, 34), — свидетельствует о важном хозяйственном значении для Милета его окрестностей уже в то время, когда город славился своей торговлей и промышленностью. О плодовых деревьях в Милетской области мы знаем из Геродота (IX, 97).

Большой интерес представляет рассказ Геродота о войне лидийских царей Садиятта и Алиатта с Милетом. Враги были не в состоянии обложить город, так как милетяне господствовали на море. Поэтому лидийцы режали деревья и посевы (τά τε δένδρα καὶ τὸν καρπὸν τὸν ἐν τῇ γῆ — 1,17) и хлеб на полях (τὸ λήϊον — 19), а затем уходили, давая возможность своим противникам вновь засеять и обрабатывать землю (τὴν γῆν σπείρειν τε καὶ ἐργάζεσθαι — 17). С рассказом об этой войне связано новеллистического типа предание о том, как милетский тиран Фрасибул, желая показать лидийскому посланцу изобилие припасов в городе, приказал снести весь имевшийся в наличии хлеб на городскую площадь и затем по данному сигналу приступить к пиршеству (21). Под впечатлением рассказа вернувшегося посланца лидийский царь заключил с Милетом мир (22). Обычно эту новеллу сопоставляют с рядом античных и более поздних преданий, герси которых, находясь в крайней нужде, удачно обманывают своих противников, создавая видимость богатства и обилия, и таким

¹ См. G. Glotz, La civilisation égéenne, P., 1923, стр. 251 слл.

² См. G. Glotz, Histoire grecque, I, P., 1925, стр. 259—276; ср. R. Blanchard, Asie Occidentale, P., 1929, стр. 80 сл., 90, 93 (Géographie Universelle publiée sous la direction de P. Vidal de la Blache et Gallois, VIII).

³ Об овцеводстве в Милетской области см. Hiller v. Gärttingen, RE, s. v. Miletos, 30 п/т., стб. 1590.

⁴ Этот факт приводит А. И. Тюменев, История античных рабовладельческих обществ, М.—Л., 1935, стр. 35 (ИГАИМК, вып. 111).

путем избавляются от опасности¹. Толкование рассказа Геродота в этом смысле вполне возможно, но имеется больше оснований интерпретировать его иначе. Дело в том, что у Геродота нет нигде ни прямого, ни косвенного указания на голод в Милете. В конце рассказа говорится о разочаровании Алиатта, который ожидал услышать, что хлеба в городе нет и что милетяне доведены до крайности. Однако нигде не сказано, что надежды Алиатта соответствовали действительности. Наоборот, то обстоятельство, что Милет занимал господствующее положение на море (τῆς γὰρ θαλάσσης οἱ Μιλήσιοι ἐπεκράτεον — 17), и то, что лидийское войско всякий год после своего опустошительного похода возвращалось назад (ἀπαλλάσσετο ὀπίσω — там же), — достаточно ясно говорят о возможности подвозить хлеб с моря и спокойно выгружать его.

Если так, то хитрость Фрасибула состояла не в том, что он обманул лидийского посланца, создав иллюзию благоденствия, а в том, что он сумел очень наглядно показать, какими запасами обладает город. При обычном толковании оказывается, что набеги лидийцев действительно лишили Милет средств пропитания, при предлагаемом нами — на голод в Милете рассчитывает лидийский царь, не понимающий условий экономической жизни приморских торговых центров. В первом случае господство Милета на море оказывается лишенным всякого значения — Милет, как и любой чисто континентальный город, питается собственным хлебом; это могло бы быть главным доводом против традиционного толкования, так как в основе милетской новеллы не могла лежать такая явно противоречащая действительности предпосылка. Во втором случае — все дело в том, что хлеб привозится в Милет главным образом извне, но земледелие в области Милета все же настолько значительно, что враг надеется уморить город голодом, уничтожая плодовые деревья и хлеб на полях. Не напоминает ли нам эта картина того, что происходило в Аттике в первые годы Пелопоннесской войны, когда царь Архидам, вторгаясь со своими спартанцами в афинские владения, производил в них опустошения, а жители Аттики укрывались за стенами Афин? Милет VI века, подобно Афинам V века, лишь частично кормится плодами своей непосредственной области и не управляется землевладельцами, но имеет крестьянское население, которое сидит на земле и занимается не только овцеводством, но и земледелием. У Геродота есть деталь: лидийцы не разрушали тех построек (οἰκίματα), которые были на полях (17). Это, по видимому, были жилища (далее о них сказано — τὰς δὲ οἰκίας) и хозяйственные строения милетских земледельцев и землевладельцев. Существенного различия между социально-экономическим строем Афинского и Милетского государств могло не быть. Диспропорция между размерами земельной площади Аттики и Милетской области в значительной степени сглаживается тем, что лишь одна четвертая или одна пятая часть аттической территории поддается обработке².

До сих пор речь шла о том, что в Ионии имелись условия для создания государств аграрного типа. Если бы мы после этого стали искать прямых

¹ R. Sch ubert, *Geschichte der Könige von Lydien*, Breslau, 1884, стр. 45; G. R a d e t, *La Lydie et le monde grec aux temps des Mermnades*, P., 1893, стр. 195; В. К л и н г е р, *Сказочные мотивы в истории Геродота*, Киев, 1903, стр. 188сл., 199сл.; W. A l y, *Völksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen*, Göttingen, 1924, стр. 35сл.; D. G. H o g a r t h, *Lydia and Ionia*, SAN, III, 1925, стр. 513. Первым оценил значение рассказа о войне милетян с Алиаттом с исторической точки зрения H a s e b r o e k, там же; он, однако, без достаточного основания и вопреки истинному смыслу рассказа, полагает, что опустошительные набеги лидийцев действительно подорвали основу материального благосостояния Милета.

² См. примерные вычисления E d. M e y e r, *Forschungen zur alten Geschichte*, II, Halle a. S., 1899, стр. 192; G. G l o t z, *Histoire grecque*, II, P., 1930, стр. 405.

или косвенных указаний на действительное господство землевладельцев в материковой и островной Ионии, то мы нашли бы такие указания в следующих фактах: для Самоса — правление геоморов и события, предшествовавшие установлению тирании Поликрата, для Колофона — правление всадников (ср. Халкида и Эретрия), для Хиоса и Эрифр — правление Василидов¹.

Знаменателен, с нашей точки зрения, следующий факт из истории Милета. Около середины VI в. паросцы, в качестве посредников между двумя борющимися в Милете в течение двух поколений сторонами, передали власть, по словам Геродота (V, 28—29), в руки тех, кто, несмотря на длительную гражданскую борьбу в государстве, сохранил в хорошем состоянии свое поле, т. е. — в руки неразорившихся землевладельцев. Свидетельство это представляет интерес с разных сторон. Во-первых, оно еще раз подтверждает наличие в Милетском государстве земельных собственников, которые, так же как и аттическое крестьянство, держались за землю, как за источник своего существования. Во-вторых, оно дает нам основание сделать некоторые важные для нас выводы. Передачу власти землевладельцам — независимо от объяснений, даваемых Геродотом, — следует истолковывать как реакцию, попытку возвращения к прошлому: ведь самый факт передачи управления государством в руки земельных собственников был совершенно непонятен в исконно торговом, никогда не знавшем господства землевладельцев государстве. Очевидно, в середине VI в. какие-то слои земельных собственников попытались занять в государстве то положение, какое они или другие землевладельческие слои когда-то действительно занимали.

В зарубежной научной литературе был поставлен вопрос о том, не является ли разобранный нами сообщение Геродота политической притчей, вставленной по каким-то неизвестным нам причинам в исторический контекст². Не говоря уже о полной произвольности подобного толкования, следует обратить внимание на то, что такая притча могла бы возникнуть лишь при наличии соответствующих реальных экономических и политических условий.

Милетский поэт того времени Фокилид (№7, Diehl) советует тому, кто стремится разбогатеть, заняться земледелием и считает поле истинным источником обогащения, ссылаясь при этом, что особенно любопытно, на бытовавшую, повидимому, в Милете пословицу, называвшую поле рогом изобилия: *Χρηζῶν πλοῦτος μελέτην ἔχει πόνος ἀγροῦ. ἀγρὸν γάρ τε λέγουσι Ἀραλθεΐτης κέρασ εἶναι.*

В таких взглядах нельзя не видеть отражения старинных представлений, которые не умирали в Милете даже в эпоху его торгового расцвета. Политические события середины VI в. и двустишие Фокилида говорят об одном и том же: социальные слои, опиравшиеся на землевладение, даже в VI в. не были в Милете невесомой величиной.

¹ См. G. Busolt, Griechische Geschichte bis zur Schlacht bei Chaironeia, I², Gotha, 1895, стр. 455, прим. 6 и 471; Bürchner, RE, s. v. Kolophon, п. т. 21, 1921, стб. 1116 сл.; Glotz, ук. соч., I, стр. 274 сл. и 280; M. A. Ure, The Outer Greek World in the Sixth Century, САН, IV, 1926, стр. 89.

² W. W. Howa. J. Wells, A Commentary on Herodotus II, Oxf., 1928, стр. 11 (ad. loc.)